

Теоретико-методологическое и историографическое обоснование исследования белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е годы

М.И. СТАРОВОЙТОВ

Дается теоретико-методологическое и историографическое обоснование выбора белорусско-российско-украинского пограничья как модели исследования для адекватной историко-сравнительной характеристики демографических и этносоциокультурных процессов в составе населения Беларуси в контексте аналогичных процессов в соседних пограничных территориях. Автором впервые в современной историографии установлены основные этапы формирования в межвоенный период белорусско-российско-украинского пограничья и предложено его определение.

Ключевые слова: Белорусско-российско-украинское пограничье, теоретико-методологическое и историографическое обоснование, историко-сравнительный анализ.

The theoretical-methodological and historiographical justification for the choice of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland is considered as a model of research for an adequate historical and comparative description of the demographic and ethno-sociocultural processes within the population of Belarus in the context of similar processes in neighboring border areas. The author for the first time in modern historiography establishes the main stages in the formation of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland in the interwar period and proposes its definition.

Keywords: Belarusian-Russian-Ukrainian borderland, theoretical and methodological and historiographical justification, historical and comparative analysis.

В современном научном и политическом лексиконе, как на постсоветском пространстве, так и за рубежом понятие «регион» стало одним из ключевых после развала СССР. Разрушение единой социально-экономической и политической системы реанимировало старые споры между новыми независимыми государствами о пограничных территориях. К счастью, в белорусско-российско-украинском пограничье (БРУП) этого не произошло. Беларусь, Россия и Украина в этом регионе унаследовали границы от Советского Союза. Их новый статус в разной степени, но коренным образом теперь, отличается от досоветских прозрачных губернских административно-территориальных границ и советских прозрачных областных и межреспубликанских границ до 1992 г.

В историческом развитии этого региона можно условно выделить три больших периода. Первый период – с конца XVIII и до 1917 г. В этот период сформировался историко-этнокультурный полиэтничный регион западной окраины Российской империи с прозрачными губернскими границами. Второй период – с 1918 г. и до 1991 г. В нем следует выделить главный этап: 1920–1930-е гг., когда БРУП стало оформляться как политико-административный регион с его прозрачными областными и межреспубликанским/межгосударственными границами. Это способствовало развитию свободной экономической (маятниковой) миграции населения соседних областей, свободным семейно-бытовым и культурным контактам и др. В конце 1930-х годов в исследуемом регионе было введено областное деление. Эти крупные административные, хозяйственные и культурные единицы (области) и взяты за основу для исследования БССР в контексте с соседними пограничными территориями. В ходе советского национально-государственного строительства на основе этнофедерализма и экономического районирования сформировался регион с прозрачными межреспубликанскими границами.

Третий период – с 1992 г. Особенность этого постсоветского периода БРУП заключается в том, что его этнокультурные и административные контактные зоны разделены государственными границами, имеющими разный статус границ, что обуславливает не только особенности и специфику, но и совершенно новые формы экономического, политического и гу-

манитарного взаимодействия и сотрудничества между населением и органами управления соседних областей, входящих в разные суверенные государственные образования. Например, граница между Республикой Беларусь и Украиной оформлена по международному стандарту функционирования межгосударственных границ.

Нахождение Беларуси в центре Европы создало ей такое уникальное положение, когда она исторически имеет отношение, как к западной, так и к восточной цивилизациям. На белорусских землях постоянно соприкасались и взаимодействовали различные этнокультурные направления и процессы. Еще более уникальным в этом отношении является белорусско-российско-украинский пограничный регион, который в результате изменений в территориально-административном устройстве соседних республик сложился к концу 1930-х гг. как устойчивая территория проживания различных этнокультурных общностей с их национально-культурной спецификой как титульных этносов (белорусов, русских, украинцев), так и национальных меньшинств. Историческое соседство территорий, внутренняя миграция населения, общность черт традиционного хозяйствования и быта сельского населения, относительная схожесть природно-климатических условий, социальноэтнической структуры, однотипность административно-территориального устройства предопределили наличие ряда контактных этнокультурных зон теперь уже трех современных государственных образований – Беларуси, России, Украины. Данный пограничный этнокультурный регион – это своеобразный центр восточнославянских народов в Европе. В условиях глобализационных процессов здесь пока еще сохраняется своеобразие, уникальность и аутентичность восточнославянских народов и их культур.

Белорусско-российско-украинское пограничье – это выделенный регион, состоящий из группы областей, представляющие крупные административно-территориальные единицы БССР, РСФСР и УССР. В досоветский период губернии этого большого региона оказались своеобразным разделом между Востоком и Западом, через них проходила «черта оседлости», они делились на земские и не земские, были прифронтовой полосой в годы Первой мировой войны. В советский межвоенный период в регионе поэтапно проходил переход от губернского к областному делению, большая часть его входила в широкую погранполосу СССР. Все это оказало существенное влияние на демографические и этносоциокультурные процессы в составе полиэтничного при абсолютном преобладании восточнославянского населения. В ходе советского национально-государственного строительства на основе этнофедерализма и экономического районирования сформировался регион с полностью прозрачными межреспубликанскими границами. В регионе в 1939 г. проживало более 17,5 млн. человек, из которых 97 % в своих этнических территориях составляли русские, 83,5 – белорусы и 84,1 – украинцы, а в среднем на долю восточнославянских народов приходилось 86,7 % [1, с. 24–25, 65–71]. Общий исторический путь развития восточнославянского населения и нацменьшинств региона дает основание для корректных научных исследований.

Предложенная нами модель/конструкт позволяет, на наш взгляд, адекватно охарактеризовать изменения в составе социума БССР в 1920–1930-е гг. и доступнее объяснить демографический и этносоциокультурный облик населения и, прежде всего, титульного этноса – белорусов в контексте с аналогичными процессами в соседних пограничных территориях РСФСР и УССР с абсолютным большинством восточнославянского населения. Национальный состав населения («этнический фактор») сыграл главную роль при I и II укрупнениях БССР и установлении административных границ с РСФСР, когда было доказано абсолютное преобладание белорусов в возвращаемых/присоединяемых территориях. Постановка вопроса о передаче БССР 5 уездов из РСФСР в 1928 г. не имела доказательной базы. Это своеобразный этап подтверждения восточной границы БССР после II укрупнения. Неизменной она осталась при оформлении областного деления в РСФСР и БССР в 1937–1938 гг. Несмотря на дискуссионность, решение спорных вопросов о территории БССР в первой половине 1920-х гг. носило мирный характер. Между населением приграничных районов сложились добрососедские отношения. Вышеизложенное позволяет дать такое определение БРУП. БРУП – это уникальный этносоциокультурный межгосударственный регион, сформировавшийся в 1920–1930-е гг. в результате национально-государственного строительства на основе советского этнофедерализма в условиях общесоюзного и местного районирования и административно-территориальных преобразований/реформ и

являющийся центром восточнославянского населения в Европе, который с 1992 г. развивается в новом формате равноуровневого трансграничного сотрудничества.

Научнообоснованное политическое решение установления восточной границы БССР имеет положительные результаты по сегодняшний день. На состоявшейся в марте 2015 г. конференции «Минский диалог» первый заместитель главы МИД РБ А. Михневич заявил, что Беларусь стала единственным государством Восточного партнерства, в котором отсутствуют территориальные споры с соседями [2]. Такая оценка касается и восточных, и западных границ суверенной Республики Беларусь.

Изучение проблем становления и поэтапного развития региона и его населения в эти большие периоды может быть предметом самостоятельного исследования. На наш взгляд, очень важным этапом становления и развития БРУП являются 1920–1930-е гг., когда были заложены основы политического, экономического и культурного сотрудничества братских славянских народов. Именно единство, проверенное Великой Отечественной войной, и сотрудничество послевоенного советского периода сделали традиционными встречи белорусов, русских и украинцев у Монумента Дружбы трех братских народов. Традиция прервана несколько лет назад.

С учетом возможного объема публикации, предлагаем теоретико-методологическое и историографическое обоснования правомерности выделения белорусско-российско-украинского пограничного региона как конструкта/модели. Это не разработка автохтонной модели исторического исследования, а предложение модели для системного, комплексного, историко-сравнительного изучения и установления национальной специфики в демографических и этносоциокультурных процессах развития населения в условиях советской мобилизационной модернизации в 1920–1930-е гг.

При изучении функционирования самого «региона» или «пограничья» именно как социокультурного феномена важно учитывать модернизационные процессы, происходившие в СССР и союзных республиках в обозначенный период. Нельзя не согласиться с точкой зрения В.В. Алексеева, который считает, что «модернизация в идеале должна вести к выравниванию стартовых уровней, экономико-технологической, политической и социокультурной унификации и универсализации. ...Региональное развитие, напротив, ведет к фиксации и развитию территориального разнообразия, закреплению региональных самоидентификаций, этнокультурного своеобразия, самобытных традиций. Показательно, что модернизация практически постоянно сопровождается перераспределением региональных ролей и изменением региональной структуры. Следовательно, модернизация и региональное развитие разворачивались параллельно и в значительной степени во взаимодействии друг с другом» [3, с. 11].

Методологический вакуум после развала СССР привел к отходу от «единственно правильного» материалистического понимания истории, стал постепенно заменяться новыми подходами и принципами «неклассической историософии», отказом от аналитических исследований и теоретических обобщений, переходом к западноисториографическому нарративу. Такое отношение историков к теории во многом породило многочисленные философско-исторические концепции, схемы, формально применяемые к многообразной исторической реальности. Из существующих теоретических подходов в изучении границ и регионов выделим наиболее приемлемые к решению проблем БРУП.

В условиях «познавательного плюрализма», отмечал И.Д. Ковальченко, необходимо идти не путем провозглашения нового и отбрасывания старого, а путем синтеза идей, анализирующих и обобщающих исторический процесс [4, с. 25–26]. В.В. Согрин считает использование методов междисциплинарного исследования актуальной проблемой и их должны использовать в своей работе историки [5, с. 5]. Особенность перехода отмечает А.А. Аникеев: «Переход от монистической к плюралистической интерпретации истории создаёт особую методологическую ситуацию, в рамках которой... идёт поиск новых методологических ориентиров... наблюдается мобилизация всего предыдущего исследовательского потенциала минувших эпох и иных культур» [6, с. 134]. Если история представляет собой исследовательское поле различных мнений, дискурсов и дисциплин, то переход к плюралистической, многоаспектной историко-познавательной модели действительно необходим. Мы придерживаемся мнения, что речь

надо вести об обоснованном интегрировании накопленного отечественного теоретико-методологического опыта и многочисленных новаций в сфере исторического познания для применения к конкретному исследованию. Вместе с тем, трудно не согласиться с мнением Э.А. Позднякова о том, что «отдельной от конкретных научных исследований общезначимой методологии попросту не существует и существовать не может» [7, с. 524].

В 1928 г. М. Блок установил, что в многочисленных исследованиях «авторы в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающие процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований...» [8, с. 28–29]. Главной методологической основой в изучении и представлении процессов в БРУП в нашей исследовательской и учебной практике является компаративный подход. В 1960–1970-е гг. в связи с ослаблением позиций национально ориентированной истории интерес к компаративистике значительно вырос. Известный немецкий историк Ю. Кока отмечает, что «начиная с 60-х гг. большое распространение получила также сравнительная история или историческая компаративистика», которую он называет королевским методом исследования [9, с. 19]. Однако исторических работ практически нет. Нам представляется, что это связано как с объективными (трудности в выявлении документов для исследований такого рода), так и субъективными причинами (необходимость скрупулезной работы по созданию оригинальной источниковой базы). М. Блок увязывал зависимость ценности сравнительных исследований от хорошо документированных фактов. Он считал, что ограниченность человеческих сил не позволяет надеяться на появление трудов «из первых рук» широкого географического и хронологического охвата и поэтому сравнительный анализ неизбежно всегда будет уделом лишь малой части историков, т.к. такое исследование не из легких и требует скрупулезности. Размышляя о проведении сравнительных исследований, главное, полагал он, как отвести им место в университетском образовании, не говоря уже о том, что *лекционные программы и экзаменационные вопросы ограничиваются исключительно проблемами национальной истории (выделено нами)*. Эта мысль не потеряла актуальность и сегодня. М. Блок отмечал, что даже авторы монографий «в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающими процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований, отличающимся по национальным либо политическим условиям от тех, которые изучают они сами». «Дух сравнительной истории писал М. Блок, привел в движение локальные исследования, без которых она не может ничего, но которые, в свою очередь, без нее не ведут ни к чему. Пора перестать вести бесконечные разговоры «о своей» национальной истории, не понимая, по существу, друг друга» [8, с. 29].

В начале 1950-х гг. советский этнограф П.И. Кушнир предложил развернутую теорию этнической границы, указав на ее отличие от государственных или административных границ в том, что она, как правило, представляет собой более или менее широкую приграничную полосу, заселенную переходной в этническом отношении группой людей [10, с. 12]. Этим самым он указал на проблемы, возникающие при определении этнической границы при отсутствии четко определенной государственной границы. Одной из попыток разрешить данную проблему являются идеи норвежского антрополога Ф. Барта, выводящие на первый план в формировании культурных/этнических границ самосознание. Он внес большой вклад в самоидентификацию человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью) [11, с. 7].

Существенные дополнения в методологию изучения пограничья как региона внесли российские историки. В 1970-е гг. М.А. Барг и Е.Б. Черняк при вычленении региона как типологической единицы предложили, что регион может быть «конструирован» как из сплошной территории, так и из «частей», более или менее удаленных друг от друга [12, с. 40]. Д.И. Ковальченко и Л.И. Бородкин дополнили и конкретизировали широко применяемый метод типологизации – это районирование. «Его суть состоит в выделении территориально единых совокупностей административных единиц, обладающих определенным сходством в природных условиях, историческом и экономическом развитии... других явлений общественной жизни (демографических, культурных и т. д.) ... будет решать проблему типизации только в том случае, если регионы будут объединять действительно внутренне однотипные единицы (уезды, губернии и т. п.). Для вполне обоснованного заключения о сходстве или

различии здесь необходим многомерный анализ, который будет учитывать все основные в рассматриваемом плане признаки объектов» [13, с. 59–60].

Совершенство количественные методы, Л.И. Бородкин обосновал необходимость применения таблиц и динамических рядов при многомерном статистическом анализе в исторических исследованиях [14]. Используя в исследовании демографического и этносоциокультурного облика населения БРУП значительный цифровой материал, мы руководствуемся методикой Д.И. Ковальченко и Л.И. Бородкина. Нельзя не согласиться и с мнением историка Б.Н. Миронова. Он отмечает, что «с цифрами спорить труднее..., они убедительнее любых умозрительных конструкций и интерпретации фактов... социальные, политические, экономические проблемы можно и нужно изучать с привлечением статистики и массовых источников. После их обработки... можно делать адекватные выводы. В этом методологическая особенность моих работ» [15, с. 18].

Для адекватных оценок демографических процессов в БРУП необходимо расширять источниковую базу исследования, использовать рассекреченные данные статистики, выявлять новые документы. Вот пример. Автор уже писал о смертности населения БРУП в 1932–1933 гг. Новые архивные документы позволяют внести дополнения и уточнения в данные об этой людской трагедии. При анализе данных о естественном движении городского населения в 1933 г. по гендерному признаку нами установлены следующие новые факты. Смертность у мужчин оказалась выше, чем у женщин. Так, смертность у мужчин городских поселений БССР превысила рождаемость на 529 чел., хотя общий показатель по обоим полам дал прирост 1 510 чел. В Западной области среди городского населения (оба пола) смертность превысила рождаемость на 2 515 чел. Только в БССР, Карельской АССР, Ленинградской и Московской областях в городах наблюдался небольшой прирост городского населения за счет более низкой смертности у женщин. В целом по СССР смертность среди всего городского населения превысила рождаемость на 374 539 чел., в т. ч. в УССР – на 116 594 чел. Смертность превысила рождаемость не только в Витебске и Гомеле (об этом автор уже писал), но и в Могилеве – на 259 чел. [16, лл. 11,12,13, 16, 18, 20]. Анализ данных показал, что в БРУП, как и в целом по СССР, наблюдалась общая тенденция: смертность мужчин в городах превышала рождаемость мужского населения. В Западной области это имело место в Смоленске, Брянске, Бежице. Нами впервые установлено, что количество умерших мужчин в Москве было выше количества родившихся мальчиков на 598 чел., а в Ленинграде – на 626 чел. [17, лл. 39, 40].

Изменения геополитического положения в мире резко актуализировали исследования региональной проблематики. Признание и широкое применение регионального подхода научным сообществом в исторической ретроспективе подтвердил и МКИН (г. Осло, август 2000 г.) [18]. В условиях глобализации и в связи с распадом СССР возрос интерес обществоведов к изучению этносоциокультурных процессов на постсоветском пространстве. Особенно актуальным направлением изучения таких процессов становятся исторические исследования на региональном уровне. В 2000 г. А. Каппелер предположил: «при сравнении с другими нациями становится заметным общее и особенное, что придает эксклюзивной национальной интерпретации глубину и резкость», методологически политическая, этносоциокультурная истории все больше будут обращаться к истории Российской империи, а региональный подход в будущем «станет особенно инновационным» [19, с. 20, 31.]. С полным основанием это можно отнести и к истории СССР. В 2008 г. в ходе дискуссии предлагалось дать новые оценки национальным, социальным и культурным процессам. По ее итогам А.Н. Медушевский констатировал, что исторические аспекты региональной и межрегиональной проблемы «становятся одним из приоритетных направлений современной российской историографии» [20, с. 3]. Недавно А.О. Чубарьян высказал идею «перейти к согласованным оценкам советского периода нашей истории в целом» [21].

Работают над проблемой и украинские историки. Теоретико-методологическое обоснование нового междисциплинарного направления в Украине дано в монографии Я.В. Верменич [22]. По этой проблеме она защитила в 2005 г. докторскую диссертацию [23]. Опубликована совместная работа, в которой рассматривается административно-территориальное устройство Украины [24]. Непосредственно теоретическому обоснованию пограничья в со-

циологическом и культурологическом плане посвящена ее статья [25]. Из белорусских историков следует отметить совместную работу А. Кравцевича, А. Смоленчука, С. Токтя, где Беларусь рассматривается как нация Пограничья, но в большей степени они освещают проблемы нациостроительства в Беларуси в XIX – начале XX вв. [26]. Заслуживают внимания совместное исследование белорусских и российских этнографов [27] и монография философа Н.Н. Беспамятных [28] по пограничной проблематике, хотя сюжетно и хронологически авторы решают другие задачи. На основе междисциплинарного и регионального подхода, выделяя белорусскую этнографическую специфику, рассматривается белорусская традиционная культура, архитектура и другие проблемы в работах известных белорусских этнографов А.И. Лакотко, В.С. Титова и др.

Уже стали проявлять определенный интерес к проблемам белорусско-российско-украинского пограничья белорусские, российские и украинские историки, что показала Международная научная конференция в Брянске в сентябре 2008 г. [29]. Однако обозначенная нами межрегиональная проблема в современной историографии еще не получила должного освещения. Определенный вклад в постановку проблемы, исследования ряда аспектов БРУП внес и автор этих строк. О необходимости исследования демографических и этносоциокультурных процессов в составе населения БРУП в первые два десятилетия Советской власти нами было высказано предложение на международных конференциях в 2003 г. в Брянске и 2006 г. в Чернигове. Этот аспект и ряд историографических проблем автор представил в докладах на международных конференциях в Минске [30], в Чите [31], в Новозыбкове [32]. В них сделан вывод о том, что в межрегиональном плане проблема демографического измерения и этносоциокультурной динамики населения БРУП в российской и украинской историографии практически не исследована и в настоящее время находится в начале становления и разработки.

Таким образом, предложенное теоретико-методологическое обоснование БРУП позволило, на наш взгляд, дать определение этому региону. Недостаточная разработанность истории населения пограничья в российской и украинской историографии, начало комплексного изучения ее в Беларуси дает основание обозначить БРУП как новое научное направление в белорусской историографии, что актуализирует научную и практическую значимость разностороннего его исследования.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
2. Конференции «Минский диалог» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://news.tut.by/archive/>. – Дата доступа : 27.03.2015.
3. Алексеев, В.В. От централизации к дезинтеграции России / В.В. Алексеев // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. – М. : Наука, 2000. – С. 8–25.
4. Ковальченко, И.Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости обновлённых подходов) / И.Д. Ковальченко // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. – 1995. – Вып. 1 (119). – С. 19–29.
5. Согрин, В.В. История исторической мысли XX века / В.В. Согрин // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 3–12.
6. Аникеев, А.А. Методологическая подготовка в области истории при многоуровневой структуре обучения студентов: опыт и проблемы / А.А. Аникеев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 129–139.
7. Поздняков, Э.А. Что такое история и нужно ли её знать? / Э.А. Поздняков. – М. : Идея-Пресс, 2010. – 608 с.
8. Ястребицкая, А.Л. Блок М. Апология сравнительной истории европейских обществ (Реферат) / А.Л. Ястребицкая // XX век: Методологические проблемы исторического познания : сб. обзоров и рефератов : в 2 ч. / РАН ИНИОН ; Редколл. : А.Л. Ястребицкая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 14–29.
9. Кока, Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире / Ю. Кока // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 17–20.
10. Кушнир, П.И. Этническая территория и этнографические границы / П.И. Кушнир // Труды Института этнографии АН СССР. – М., 1951. – С. 3–128.

11. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. – М. : Новое изд-во, 2006. – 199 с.
12. Барг, М.А. Регион как категория внутренней типологизации классово-антагонистических формаций / М.А. Барг, Е.Б. Черняк // Проблемы социально-экономических формаций. (Историко-типологические исследования). – М., 1975. – С. 39–49.
13. Ковальченко И.Д. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков (Опыт многомерного количественного анализа) / И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин // История СССР. – 1979. – № 1. – С. 59–95.
14. Бородкин, Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / Л.И. Бородкин. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 188 с.
15. Миронов, Б.Н. Оцифрована революция / Б.Н. Миронов // Родина. – 2017. – № 11. – С. 15–25.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 16.
17. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18.
18. Регионы и регионализм в странах Запада и России: сборник / Редколл. : Р.Ф. Иванов (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИВИ РАН, 2001. – 260 с.
19. Каппелер, А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги / А. Каппелер // Ab Imperio. – 2000. – № 1. – С. 15–32.
20. Медушевский, А.Н. Региональная история в глобальном измерении / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 315.
21. От оценок революции нужно перейти к анализу периода СССР. Интервью А.О. Чубарьяна корреспонденту Sputnik А. Стефанову [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik.by/opinion/20170424/1028471302/ekspert-ob-otsenke-revolutsii-1917-goda.html>. – Дата доступа : 03.12.2017.
22. Верменич, Я.В. Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні / Я.В. Верменич. – Київ : ІУ НАН України, 2003. – 516 с.
23. Верменич, Я.В. Історична регіоналістика в Україні: теоретико-методологічні проблеми : автореф. дис. ... док. іст. Наук : 07.00.01 / Я.В. Верменич ; НАН України, ін-т іст. України. – Київ, 2005. – 32 с.
24. Верменич, Я.В. Зміни адміністративно- територіального устрою України ХХ – ХХІ ст. / Я.В. Верменич, О.В. Андрощук. – Київ : ІУ НАН України, 2014. – 182 с.
25. Верменич, Я.В. Пограниччя як соціокультурний феномен: просторовий вимір / Я.В. Верменич // Регіональна історія України : зб. навк. статей. – Київ, 2012. – Вип.6. – С. 67–90.
26. Кравцевич, А. Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 212 с.
27. Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование: монография / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М. : Изд-во РУНД, 2005. – 378 с.
28. Беспаятных, Н.Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н.Н. Беспаятных. – Мн. : РИВШ, 2007. – 404 с.
29. Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы международной науч.-практич. конф., Брянск, 18–20 сентября 2008 г. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – 295 с.
30. Старовойтов, М.И. Белорусско-российско-украинское пограничье 1920–1930-х гг. в новейшей отечественной историографии / М.И. Старовойтов // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: матер. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / Нац. Акад. наук Беларуси. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 653–657.
31. Старовойтов, М.И. Население Белорусско-Российского пограничного региона в 1920–1930-е гг.: новейшие историографические исследования / М.И. Старовойтов // Пограничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: матер. междунар. науч. конф.: в 3 ч. / Забайкал. Гос. ун-т ; Гл. ред. Е.В. Дроботушенко. – Чита : ЗабГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 83–87.
32. Старовойтов, М.И. Население Белорусско-Российско-Украинского пограничья в 1920–1930-е гг.: историко-культурные исследования / М.И. Старовойтов // Актуальные проблемы российской провинции: вызовы современности: матер. междунар. науч. конф., Новозыбков, 10–11 октября 2017 г. / Под ред. В.В. Мищенко [и др.]. – Брянск : ООО «Аверс», 2017. – С. 115–122.